



С. МАКАШИН

# СУДЬБА АРХИВА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

необходимо, когда возникнут для этого условия, собрать и издать в России все литературное наследие Герцена. Мне пришлось слышать об этом в начале 1930-х годов от самого М. С. Ольминского. Привлеченный им к работе над из-

СССР материалы Русского заграничного исторического архива и среди них упомянутую пражскую «коллекцию» бумаг Герцена и Огарева.

Солдатом я участвовал в боях за освобождение Чехословакии и после окончания военных дейст-

сей Герцена и Огарева и других материалов. Таким образом завершилось дело большого национально-культурного значения — перемещение (частично в микрофильмах, частично в фотокопиях) на родину издателей «Колокола» их за-

рижской и женеvской «коллекций» по основному содержанию члeнятся на четыре части. Первая — рукописи произведений Герцена и Огарева; вторая — переписка Герцена с иностранными деятелями; третья — материалы русской революционной эмиграции; четвертая — письма и документы, относящиеся к личной и семейной жизни Герцена и Огарева.

Материалы второй и третьей частей уже подготовлены к печати. Они составят основной документальный фонд 96-го тома «Литературного наследия» — «Герцен и Запад», который выйдет в будущем году в издательстве «Наука».

В эпистолярном разделе тома среди корреспондентов и адресатов Герцена представлены имена Т. Карлейля и Дж. Коуэна (Англия), Ф. Фрейлигата и К. Фогта (Германия), Дж. Маццини и Ф. Орсини (Италия), Ст. Ворцеля и Л. Лелевеля (Польша), А. Блана, В. Гюго, П. Ж. Прудона (Франция) и др. Письма печатаются в группировках их по национальности адресатов и корреспондентов. Каждой группе предпослана статья, в которой дается общая характеристика взаимоотношений Герцена с национальной культурой и современной ему общественно-политической жизнью каждой данной страны.

Серии этих статей и эпистолярных публикаций предшествует статья «Герцен и Запад». В ней раскрывается, в частности, та роль, какую сыграл западноевропейский опыт в разработке Герценом проблем революции и социализма.

Материалы второго раздела тома — «Из истории русской революционной эмиграции» — относятся к трем значительным эпизодам этой истории: политике Герцена с Бакуниным по славянскому вопросу, скандинавскому аспекту в деятельности Герцена и Огарева в связи с польским восстанием 1863 года (эта тема разработана на основе архива Шведской королевской библиотеки в Стокгольме) и «нечаевскому делу» 1870 года. Здесь, в частности, публикуются еще не бывший в нашей печати дневник дочери Герцена, Наталии Александровны, и большое письмо Бакунина к Нецаеву, посвященное критике и отрицанию сочиненного послед-

ним пресловутого «Категоризиса революционера». Эта публикация имеет не только научное, но и политическое значение. Имена Нецаева и Бакунина часто используются за рубежом тенденциозно или в откровенно клеветнических целях. Задача советских исследователей заключается в том, чтобы документально показать, как сами русские революционеры, современники Нецаева, в их числе друг Карла Маркса Герман Лопатин, но также и Бакунин, выступали против нечестных псевдореволюционных действий, против шантажа, обмана и беспринципности в революционной деятельности.

Вскоре завершится работа по подготовке к печати еще одного, последнего, тома «Литературного наследия» (в 2-х книгах), посвященного публикации бумаг бывшего лозаннского архива. Здесь увидят свет несколько творческих рукописей Герцена и Огарева. В их числе автографический текст «Рассказа о семейной драме» из 5-й части «Былого и дум», до сих пор известный лишь по не совершенной копии, и стихотворная политическая сатира Огарева «Пашпорт».

Большую часть этого тома займет обширная переписка Герцена и Огарева с родными и близкими. Письма сгруппированы по именам адресатов и корреспондентов. Вводная статья к тому посвящена разъяснению роли и значения «автобиографического элемента» в творчестве Герцена.

Завершающие публикации не известны ранее или еще не бывших в отечественной печати материалов заграничного архива Герцена и Огарева, несомненно, принесут немало нового и ценного для разных областей их изучения и пропаганды, для более широкого и глубокого ознакомления людей нашего времени с бесценным духовным богатством литературного наследия революционных демократов. Эта работа по-прежнему остается актуальной. Она и сегодня идет навстречу одной из надежд А. Толстого, записавшего некогда в своем дневнике: «Читал Герцена «С того берега» и... восхищался. Следовало бы написать о нем — чтобы люди нашего времени понимали его... Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их».

КОГДА в 1847 году Герцен уезжал за границу, он не думал, что навсегда расстанется с родной землей. Участие в революционных событиях 1848 года в Париже сделало невозможным его возвращение на родину. Герцен остался на чужбине и оттуда повел борьбу против самодержавия и крепостного права. За это он и присоединившийся к нему затем его друг и соратник Огарев были приговорены к вечному изгнанию из пределов Российской империи, а в самой России, как замечено у А. Толстого, их «вынули из обращения».

Этот приговор, разумеется, оказался и на судьбе документального наследия, накопленного издателем «Колокола» за годы их жизни и деятельности в эмиграции, — на судьбе их архива. Хранившийся после смерти Герцена у его старших детей в Швейцарии, в Лозанне, этот огромный архив в царское время не мог быть перемещен в Россию в сколько-нибудь полном составе. Ведь в нем находились не только литературные и биографические материалы, но и конспиративные документы, относившиеся к революционному движению в России и на Западе. С годами, претерпев ряд изменений, архив распался на несколько частей, оказавшихся в разных странах Западной Европы и в США.

Главные изменения, произошедшие в архиве, пока он хранился у детей

Герцена, — это четыре крупных изъятия материалов. Первое связано с публикаторской деятельностью историка и публициста М. П. Драгоманова, также находившегося в эмиграции. Для своих изданий 1870—1880-х годов он получил от сына Герцена, Александра Александровича, много документов, в основном эпистолярных. Далеко не все они вернулись в архив. Второе изъятие — рукописи, переданные Александром Александровичем в московский Румянцевский музей для так называемой «Комнаты людей 40-х годов». Третье и четвертое изъятия — две части архива, перешедшие в 1906 году, после смерти Александра Александровича, к его сыновьям Владимиру и Николаю.

После смерти в 1936 году старшей дочери Герцена, Наталии Александровны, остававшейся у нее все еще очень большое собрание бумаг разделилось на две части. Одна поступила тогда же в Русский заграничный исторический архив в Праге. Другая два десятилетия спустя была передана внучкой Герцена, Жерменой Рист, на постоянное хранение в парижскую Национальную библиотеку.

Относительно небольшую, но весьма ценную часть бумаг младшая дочь Герцена, Ольга Моно, отравила в Колумбийский университет Нью-Йорка. Обращенные же к самой Ольге письма отца перешли к ее дочери Жанне Моно-Анфу, а после ее

смерти — к сыну Андре Анфу и еще двум наследникам.

Изменилось местонахождение и тех крупных частей архива, которые, как сказано, достались внукам Герцена, Владимиру и Николаю. Первый продал принадлежавшие ему бумаги Международному институту социальной истории в Амстердаме. А рукописи, находившиеся у Николая, в 1967 году были приобретены его наследником Публичной и Университетской библиотекой в Женеве.

Что касается материалов, оставшихся у Драгоманова, то судьба некоторых из них неизвестна. Те же, что перешли после смерти Драгоманова к его зятю, болгарскому историку И. Шишманову, поступили отчасти также в Русский заграничный исторический архив в Праге, отчасти в Архивный институт Болгарской академии наук в Софии.

Так некогда единый, огромный архив Герцена и Огарева в Лозанне распался на семь крупных «коллекций»: московскую, пражскую, софийскую, парижскую, нью-йоркскую, амстердамскую и женеvскую.

ЕЩЕ В ГОДЫ швейцарской эмиграции В. И. Ленин говорил М. С. Ольминскому о

данием собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина, я бывал на заседаниях редакции, проходивших в кремлевской квартире Михаила Степановича. На одном из заседаний он и вспомнил свой давний разговор с В. И. Лениным о Герцене и его архиве. Среди других тогда присутствовали Н. К. Крупская, П. Н. Лепешинский и В. Д. Бонч-Бруевич. И все они знали о желании Владимира Ильича. В. Д. Бонч-Бруевич потратил тогда немало усилий, чтобы осуществить его. Однако в тех условиях переписка Владимира Дмитриевича с дочерью Герцена, Наталией Александровной, а также переписка с ней академика А. П. Карпинского, тогдашнего президента Академии наук, не дали результатов. Понадобилось время, чтобы сложились новые исторические условия, благоприятствующие перемещению на родину архива Герцена и Огарева. Решающую роль здесь сыграла победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, победа над фашистской Германией.

Уже в 1945 году правительство Чехословацкой республики в знак благодарности за освобождение страны от гитлеровской оккупации принесло в дар Академии наук

виль семь месяцев провел в Праге. Там я познакомился с профессором А. Изюмовым, одним из хранителей архива, и от него получил первое представление о выдающейся ценности пражской «коллекции». В необходимости скорейшего издания ее материалов сомнений не было. Вернувшись после демобилизации в Москву и восстановив свою прерванную войной работу в редакции «Литературного наследия», я принял участие в организации и редактировании четырех монументальных герцено-огаревских томов (№№ 61—64) общим объемом три с половиной тысячи страниц.

Разработка пражской «коллекции», осуществленная группой историков и литературоведов, позволила установить местонахождение и содержание всех названных выше частей бывшего лозаннского архива. В результате последовавших затем разног рода инициатив, переписок, заграничных поездок, обменов материалами между зарубежными и советскими архивными учреждениями «Литературное наследие» получило из Софии подлинники документов, а из Нью-Йорка, Амстердама, Парижа и Женевы фотокопии (их несколько тысяч) со всех хранящихся там рукопи-

суженного архива, крупнейшего и бесценного собрания документов русской революционной демократии.

Все полученное находится теперь в советских архивах. Конечно, поиски рукописного наследия Герцена и Огарева должны продолжаться. Герцен был связан со столькими деятелями всех стран, сотрудничал в таком количестве иностранных органов печати, что новые находки его писем, а быть может, и произведений представляются не только вероятными, но и несомненными. Это обстоятельство не колеблет, однако, утверждения, что капитальной важности задача перемещения в Советский Союз всех приведенных в известность материалов заграничного архива Герцена и Огарева решена. (Оговорка необходима потому, что история архива знает немало мелких передач материалов в другие руки, а также не объясненных пока утрат.)

Нельзя не отметить, что решение этой задачи, потребовавшей многолетних целеустремленных усилий, было бы невозможно без активного благожелательного отношения со стороны как наследников Герцена, прежде всего его внучки, упомянутой Жермены Рист и ее сыновей, правнуков Герцена Леонарда и Ноэля Ристов (Франция), так и администрации архивных учреждений, советских и заграничных, участвовавших в обмене материалами.

МОСКОВСКАЯ, пражская, софийская, нью-йоркская и частично парижская «коллекции» уже изданы. Оставшиеся неизданными бумаги амстердамской, па-

Литературная газета г. Москва 4 СЕН 1983